

— способствует формированию чувства ответственности, активной жизненной позиции;

— формирует негативное отношение к агрессии, терроризму и экстремизму, в какой бы форме они ни проявлялись (в том числе и в религиозной).

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА И. БРОДСКОГО

Мананкова А. А., Белорусский государственный университет

В литературном и культурном процессе на любом его этапе существуют фигуры, обладающие беспрецедентной значимостью. Масштаб этих фигур определяется прежде всего масштабом тех преобразований, которые они вносят в культурную традицию. Однако подобные изменения никогда не являются односторонним процессом. Традиция не просто вбирает в себя художественные тексты, инициирующие ее трансформацию. В рамках культурного процесса происходит осмысление и переосмысление этих текстов, которые, таким образом, также трансформируются. Они подвергаются бесконечному множеству интерпретаций, в ходе которых первичные смыслы утрачиваются, их место занимают новые, наслаивающиеся друг на друга. Текст живет самостоятельной жизнью. В ходе культурного процесса некоторые смыслы начинают осознаваться как предпочтительные и закрепляются в виде набора топосов, характеризующих творчество того или иного автора. В то же время биография автора также особым образом концептуализируется. Она прочитывается исследователями как текст, в котором, как и в художественном тексте, отдельные моменты опускаются, другие же, напротив, подчеркиваются, вследствие чего биография также становится набором топосов. По причине продолжительного господства биографического подхода к интерпретации произведения искусства и художественный, и биографический текст долгое время осознавались как единый нарратив. Таким образом рождался миф об авторе. В существовании такого мифа можно выделить два этапа. На первом этапе, когда происходит закрепление определенных топосов, миф еще не осознается как таковой и воспринимается как адекватное исследование творчества автора. На втором этапе миф уже структурируется в сознании исследователей и читателей (зрителей). Он распадается на отдельные топосы, произвольный характер возникновения которых становится очевидным. И тогда как в литературоведении, так и в литературе начинается смещение или перестановка этих топосов, что приводит к порождению новых смыслов и, в конце концов, к разрушению мифа, который в отдельных случаях может заменяться новым мифом, построенным либо на новой комбинации уже существующих топосов, либо на создании других топосов. Отличие его от первоначального мифа состоит в том, что в данном случае он воспринимается как возникший в процессе игры и не претендующий на исчерпывающее истолкование текста.

Рассматривая в данном контексте фигуру Иосифа Бродского, следует отметить, что здесь мы сталкиваемся с совершенно особой ситуацией. Бродский, несомненно, является величайшим новатором. Он совершил настоя-

щий переворот в русской литературе, и потому вполне логично, что его биография и его творчество подверглись мифологизации. Однако Бродский, по крайней мере поздний Бродский, — это уже поэт эпохи постмодернизма. Он знает, как возникают мифы, поскольку в собственном творчестве оперирует определенными топосами, создавая при помощи их перестановки свою неповторимую ироническую интонацию. Поэт сознательно прибегает к мифотворчеству. Он конструирует свой миф на основе архетипов мировой литературы, тем самым вписывая себя в традицию. В самом деле, в художественно-биографическом нарративе Бродского можно обнаружить такие архетипы, как «поэт и власть», «изгнание поэта», «несчастливая любовь поэта», «Отчизна поэта» (по меньшей мере, в двух модификациях: миф об Империи и азиатский миф) и т. д. Интересно, что подобные архетипы присутствуют в творчестве автора как бы в историческом развитии, т. е. в различных текстах можно проследить их конкретные реализации в литературном процессе (например, архетип изгнанничества у Овидия и Пушкина). Естественно, способы восприятия нарратива Бродского, заданные самим поэтом, были подхвачены в литературоведении. Однако в текстах не могло не происходить и порождения смыслов, не заложенных автором. Нарратив начал функционировать по привычной схеме независимо от воли художника.

Тексты Бродского были инкорпорированы в литературный процесс и внесли в него существенные изменения. Определенный, изначально присутствующий только Бродскому набор черт поэтики, который стал одним из топосов, послуживших для создания мифа об авторе, начал находить все большее распространение. У Бродского появилось множество эпигонов. Фактически поэт «подарил» русской литературе новую манеру письма. В следовании этой манере не было оттенка иронии — ее воспроизводили совершенно серьезно. Это были скорее классические подражания, чем постмодернистская цитация. В то же время делаются попытки серьезного осмысления биографии Бродского с различных позиций, и здесь значительную роль играют свидетельства современников. Эти попытки не воспринимаются как мифотворчество.

Однако довольно быстро происходит переориентировка. Автор начинает осознаваться уже не только как реальное лицо, но и как мифическая фигура. Показательно, к примеру, название статьи о судьбе дома поэта — «Дух Бродского не эмигрировал в Америку». Тексты нобелевского лауреата также уже осознаются как наборы определенных черт, которые в творчестве других авторов комбинируются с несвойственными Бродскому особенностями поэтики. Топосы Бродского включаются в игру, как когда-то им самим в подобную игру были включены топосы Державина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и т. д. Данная тенденция прослеживается, например, в «Двадцати сонетах к Саше Заповой» Т. Кибирова. Интересно также и то, что процесс мифологизации жизни и творчества Бродского выходит за рамки русскоязычного литературного процесса. Активное переосмысление основных топосов указанного нарратива происходит также и в современной белорусской литературе.